Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов

ИБРАГИМОВА Юлия Эмировна, младший научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Россия, 107078, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., 22/24

E-mail: ibragimova.j.e@gmail.com

В статье обосновывается необходимость развития концепции судебных доктрин в российском праве, которая могла бы позволить, с одной стороны, описать творческую составляющую правоприменительного процесса, характеризующую заимствованием и развитием судьями доктринальных положений юридической науки, наличием обратной связи науки и практики, а с другой — отграничить толкование права от судебного правотворчества.

Целью исследования является раскрытие принципа действия судебной доктрины в практике арбитражных судов.

При помощи эмпирических и теоретических методов исследования установлено влияние международных судов на восприятие зарубежных судебных доктрин в отечественной правоприменительной практике, а также выявлена вспомогательная роль судебных доктрин при восполнении судами пробелов в праве.

Судебные доктрины обеспечивают взаимосвязь и взаимное обогащение законодательства, правоприменения и науки. Ссылки в судебных актах на судебные доктрины, а также их фактическое использование дадут новый толчок исследовательской деятельности. Выработанные судебной доктриной правовые положения при этом могут использоваться в законопроектной деятельности с использованием механизма имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная доктрина, судебная практика, правоприменение, пробел в законодательстве, арбитражные суды.

Для цитирования: Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172—185. DOI: 10.12737/jrl.2020.050

The Role of Judicial Doctrines in the Practice of Arbitration Courts

Yu. E. IBRAGIMOVA, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 107078, Russian Federation

E-mail: ibragimova.j.e@gmail.com

The article substantiates the need to develop the concept of judicial doctrines in Russian law, which could allow, on the one hand, to describe the creative component of the law enforcement process, characterized by the borrowing and development of doctrinal provisions of legal science by judges, the presence of feedback between science and practice, and, on the other hand, to distinguish the interpretation of law from judicial lawmaking.

The purpose of the research is to reveal the principle of operation of the judicial doctrine in the practice of arbitration courts.

Using empirical and theoretical research methods, the influence of international courts on the perception of foreign judicial doctrines in domestic law enforcement practice is established, as well as the auxiliary role of judicial doctrines in filling gaps in law by courts is revealed.

As a result, judicial doctrines ensure the interconnection and mutual enrichment of legislation, law enforcement and science. References in judicial acts to judicial doctrines, as well as their actual use, will give a new impetus to research activities. At the same time, the legal principles developed by the judicial doctrine can be used in legislative activities using the mechanism for implementing judicial decisions into the legislation of the Russian Federation.

Keywords: judicial doctrine, judicial practice, law enforcement, legislative gap, arbitration courts.

For citation: Ibragimova Yu. E. The Role of Judicial Doctrines in the Practice of Arbitration Courts. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 172—185. DOI: 10.12737/jrl.2020.050 (In Russ.)

Судебные доктрины в российском праве. Понятие судебной доктрины законодателем не закреплено, но в судебных решениях оно упоминается¹. Единого подхода к понятию и формам судебных доктрин учеными-юристами также не выработано. Упоминания о судебной доктрине нередко растворяются в текстах юридических статей, и невозможно установить, что подразумевают под ними авторы: правовую доктрину, судебную практику или судебный прецедент? Так, А. Н. Чашин под судебной доктриной понимает некий документ, содержащий систематизированные нормативные положения, выработанные судебной практикой². Поскольку в отличие от обзоров судебной практики, принимаемых Президиумом Верховного Суда РФ, указанные доктрины не являются сборниками практики толкования норм права, такие доктрины сотрут различия между правовой позицией суда и судебным прецедентом. По существу, такая доктрина будет представлять собой сборник прецедентов.

Действительно, понятия «судебная доктрина» и «судебный прецедент» имеют связь, но скорее это связь содержания и формы. Использование ссылок на судебные доктрины свойственно системам права, основанным на прецеденте.

Судебный прецедент должен удовлетворять определенным критериям — условиям-признакам. В юридической науке выделяются следующие признаки судебного прецедента: создается высшими судебными органами; требует определенной юридической процедуры; обладает свойством обязательности применения; подлежит официальному опубликованию³.

В то же время судебный прецедент содержит ссылки на правовую доктрину для обоснования своего решения.

Правовая доктрина, как отмечает А. А. Зозуля, «представляет собой общеправовую категорию, интегрирующую совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, в рамках которых разрабатываются и обосновываются юридико-познавательные формы познания права и правовых явлений, принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы понимания и толкования позитивного права: его источников, системы, структуры, действия и применения, нарушения и восстановления»⁴. Между тем предпочтительным представляется определение правовой доктрины, отражающее ее широкий смысл и раскрывающее одновременно суть данной научной категории. В необходимой степени лаконичным является опре-

¹ См., например, постановление КС РФ от 19 января 2017 г. № 1-П, определение КС РФ от 11 марта 2005 г. № 148-О.

² Подробнее см.: Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник административного права России // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 18—20.

³ См.: Гук П. А. Судебный прецедент как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

⁴ Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

деление Т. Я. Хабриевой, полагающей, что в «самом общем виде доктрину характеризуют как авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций»⁵. Это в полной мере относится к конституционной доктрине.

Разделяя мнение Х. И. Гаджиева⁶, отметим, что достоинства правовой доктрины проявляются на практике, которая при необходимости трансформирует ее, отказывается от нее или создает новую. Таким образом, правовая доктрина интегрируется в правоприменительный процесс, где судьи создают дальнейшие условия для ее развития, наполняя ее судебным авторитетом, благодаря чему правовая доктрина приобретает новый смысл и преобразуется в правовой инструмент, способствующий оперативному восполнению пробелов в правовом регулировании и разрешению конкретных задач, стоящих перед органами судебной власти. Из этого следует, что воздействие теории права на судебную практику происходит путем формирования судебных доктрин.

В связи с этим справедливым является мнение Е. В. Тарибо, который считает, что судебную доктрину имеет смысл рассматривать в качестве универсального подхода, принципа, которым пользуются суды при разбирательстве дел определенной категории⁷. Судебная доктрина также способна облегчить правоприменение, избавив его от экспансии законодательного регулирования⁸.

⁵ Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 23.

⁶ См.: Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 16.

⁷ См.: Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10—17.

⁸ См.: Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 16.

На основании изложенного наиболее правильным для целей настоящей статьи видится следующее определение *судебной доктрины*: это основанная на правовой доктрине, развиваемая судом, существующая независимо от законодательного закрепления, но не противоречащая действующему законодательству совокупность идей, нашедших отражение в судебных решениях, предоставляющая суду ориентиры при разрешении дел, предполагающих судебное усмотрение и восполнение пробелов в законодательстве, обогащающая правовую доктрину.

Судебные доктрины, полагаясь, являются связующим функциональным звеном между общими правовыми доктринами (как результатами мышления *in abstracto*) и правоприменительной практикой (складывающейся *in concreto*), выполняющих функции концептуализации эмпирического опыта в праве и повышения реалистических начал правообразования.

Одной из сфер, в которых судебные доктрины в наибольшей степени развивают современное право, является сфера экономической деятельности, поскольку финансовый рынок, потрясаемый кризисами, переводами капиталов за границу, уклонением от уплаты налогов, переживает период законодательного вакуума и отсутствия теоретических разработок в области возникновения новых правоотношений, не урегулированных российским законодательством. В связи с этим особого внимания заслуживает практика арбитражных судов.

Судебные доктрины в практике арбитражных судов. М. Н. Марченко указывает: «...арбитражные суды, так же как и другие суды, отнюдь не ограничиваются в своей повседневной деятельности выполнением лишь традиционной правоприменительной функции, а оказывают непосредственное и опосредованное влияние на право и правотвор-

ческий процесс»⁹. М. Р. Камалтдинова также отмечает, что акты арбитражных судов округов наряду с актами высших судов играют важную роль в формировании судебной практики. Накопление и последующее обобщение судебной практики привело к возникновению судебных доктрин — «...типовых подходов, методов разрешения определенных судебных споров»¹⁰.

Заметим, что до упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ судебные доктрины, выработанные в его решениях, также активно обсуждались специалистами¹¹.

Арбитражные суды с помощью судебных доктрин могут установить законность сделки или констатировать ее направленность на обход закона. В правоприменительной практике судебные доктрины служат ориентиром и дают представление о том, какие нормы закона содержат пробелы и неопределенность, способствующие злоупотреблению правом, в частности получению необоснованной налоговой выгоды. Можно однозначно выделить следующие судебные доктрины, утвердившиеся в практике арбитражных судов: «доктрина должной осмотри-

тельности», «доктрина корпоративной вуали», «эстоппель».

Доктрина должной осмотрительности. В течение последнего десятилетия обособилась категория налоговых споров, связанная с налоговой выгодой, получаемой в связи с заключением сделок с недобросовестными контрагентами¹². При этом зачастую страдают добросовестные налогоплательщики, ставшие жертвой обмана со стороны недобросовестных контрагентов (фирм-однодневок).

Долгое время налоговые органы не признавали субъективное право налогоплательщика на получение налоговой выгоды¹³, вместо того чтобы взыскать налог с недобросовестного контрагента, делая вывод, что субъект предпринимательской деятельности не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента, а налоговая выгода, полученная в результате взаимодействия с таким контрагентом, является необоснованной. В законодательстве Российской Федерации о налогах и сборах не определено понятие должной осмотрительности, в связи с чем суды, разрешая споры о признании недействительным решения налогового органа, выносили разные, а подчас и противоречивые решения, что нарушало принцип единообразия судебной практики и приводило к появлению пробелов в законодательстве.

⁹ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право: учеб. пособие. М., 2017. С. 389.

¹⁰ Камалтдинова М. Р. Судебные доктрины как источник налоговых рисков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 2. С. 192.

¹¹ См., например: Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236/>; Самойлов М. Доктрина права как источник аргументации судебного акта. URL: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta; Судебные доктрины Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере налогового права обсудили на образовательном семинаре в Москве. URL: <http://fasvvo.arbitr.ru/node/13746>.

¹² См.: Разгильдеев А. В. Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 305-КГ16—10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 9—15.

¹³ Налоговую выгоду следует рассматривать в качестве субъективного права как меры возможного поведения: налоговое законодательство предоставляет налогоплательщику возможность (право) учитывать определенные расходы в целях налога на прибыль (ст. 252 НК РФ) и принимать НДС к вычету (ст. 171 НК РФ).

Данный пробел был восполнен судебной практикой, впервые выработано положение, согласно которому нарушение законодательства контрагентом само по себе не свидетельствует о необоснованности налоговой выгоды. Данное положение нашло отражение в постановлении ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее — постановление ВАС РФ № 53).

Под налоговой выгодой понимается «уменьшение размера налоговой обязанности вследствие, в частности, уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета»¹⁴. В постановлениях Президиума ВАС РФ от 30 июня 2009 г. № 2635/09, от 25 февраля 2010 г. № 12670/09 сделан вывод, что постановление ВАС РФ № 53 принято в целях установления единообразной судебной практики в делах с признаками уклонения от налогообложения. Помимо понятия «налоговая выгода» постановлением ВАС РФ № 53 сформулирована судебная доктрина должной осмотрительности¹⁵, согласно которой выгода

налогоплательщика признается необоснованной, если:

деятельность налогоплательщика, его взаимозависимых или аффилированных лиц направлена на совершение операций, связанных с налоговой выгодой, преимущественно с контрагентами, не исполняющими своих налоговых обязанностей;

налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом.

В целях минимизации указанного риска налогоплательщик должен проявить должную осмотрительность и осторожность при выборе контрагента. Указанная правовая позиция неоднократно подтверждалась в постановлениях Президиума ВАС РФ по конкретным делам¹⁶.

Вместе с тем пределы должной осмотрительности, которую должен проявить налогоплательщик, чтобы реализовать право на налоговую выгоду, были неоднозначно восприняты нижестоящими судами¹⁷.

В соответствии с этим уполномоченные органы выработали ориентиры для проявления должной осмотрительности и осторожности

¹⁴ Пункт 1 постановления ВАС РФ № 53.

¹⁵ Судебная доктрина должной осмотрительности получила развитие за рубежом и подтверждена практикой Суда ЕС и ЕСПЧ. См., например: Judgment of the Court (Third Chamber) of 11 May 2006 No. C-384/04 “Federation of Technological Industries and Others”. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=92F21F2BA599D986FC05DBC5ABF6D0AC?text=&docid=56811&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=4239262>; Judgment of the Court (Third Chamber) of 6 July 2006 No. C-439/04 “Axel Kittel v. Belgian State”. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62004CJ0439>; постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 г. по делу «Булвес АД» (“Bulves AD”) против Болгарии» (жалоба № 3991/03).

¹⁶ См. постановления Президиума ВАС РФ от 3 июля 2012 г. № 2341/12 по делу № А71-13079/2010-А17, от 8 июня 2010 г. № 17684/09 по делу № А40-31808/09-141-117, от 25 мая 2010 г. № 15658/09 по делу № А60-13159/2008-С8, от 20 апреля 2010 г. № 18162/09 по делу № А11-1066/2009, от 25 февраля 2010 г. № 12670/09 по делу № А68-8174/07-355/13; от 30 июня 2009 г. № 2635/09 по делу № А68-8565/07-362/11, от 11 ноября 2008 г. № 9299/08 по делу № А40-16436/07-107-121.

¹⁷ См., например, постановления Президиума ВАС РФ от 9 марта 2010 г. № 15574/09 по делу № А79-6542/2008, от 12 февраля 2008 г. № 12210/07 по делу № А40-33718/05-116-266, от 3 июля 2012 г. № 2341/12 по делу № А71-13079/2010-А17.

в целях проверки добросовестности контрагентов¹⁸. Так, Минфин России разработал ориентиры, которые рекомендовано исследовать налогоплательщику при оценке налоговых рисков, связанных с характером взаимоотношений с некоторыми контрагентами¹⁹.

В письме от 10 апреля 2009 г. № 03-02-07/1-177 Минфин России, разъясняя вопросы должной осмотрительности, рекомендовал до сделки с контрагентом запрашивать у него копию свидетельства о постановке на учет в налоговом органе, а также осуществлять следующие действия: 1) проверить факт занесения сведений о контрагенте в ЕГРЮЛ; 2) получить доверенность или иной документ о полномочиях лица, подписывающего документы по сделке; 3) использовать официальные источники информации, характеризующие деятельность контрагента; 4) предпринять действия, подтверждающие осмотрительность и осторожность в выборе контрагента.

Также налогоплательщикам рекомендовалось проверять не только факт занесения сведений о контрагенте в ЕГРЮЛ, но и удостовериться в том, что контрагент не зарегистрирован по адресу «массовой рассылки». Более того, налогоплательщику необходимо установить фактическое местонахождение контрагента, а также местонахождение его складских, и (или) производственных, и (или) торговых площадей и т. д., так как отсутствие постоянного местонахождения квалифицирует контрагента как проблемного, а сделки, совершенные с ним, как сомнительные²⁰.

¹⁸ См. письма Минфина России от 3 августа 2012 г. № 03-02-07/1-197, от 12 октября 2012 г. № 03-02-07/1-251, ФНС России от 11 февраля 2010 г. № 3-7-07/84.

¹⁹ См. письмо Минфина России от 10 апреля 2009 г. № 03-02-07/1-177.

²⁰ См. письмо ФНС России от 16 марта 2015 г. № ЕД-4-2/4124.

Данные рекомендации не бесспорны, поскольку место государственной регистрации может не совпадать с фактическим, а информация о регистрации контрагента по адресу «массовой рассылки» может быть ненадлежащим критерием для вывода о ненадежности потенциального контрагента.

Показательным является следующее дело, рассмотренное Верховным Судом РФ.

ЗАО «ГК «Электроинвест»» пыталось признать незаконными действия Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) о включении данного ЗАО в список неблагонадежных компаний — ФИР «Риски». Однако его требования исключить порочащую его информацию из общедоступных источников были отклонены судами со ссылкой на приказ ФНС России от 24 июня 2011 г. № ММВ-8-2/42дсп@ «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению информационного ресурса “Риски”». Суд установил, что «ФИР “Риски”» содержит справочную информацию для принятия решения должностными лицами налоговых органов о целесообразности проведения мероприятий налогового контроля в отношении конкретных юридических лиц, факт включения юридического лица в ФИР “Риски” не является однозначным показателем его неблагонадежности»²¹.

Следовательно, с одной стороны, ФНС России указывает налогоплательщикам на необходимость проверки контрагентов при принятии решений о заключении с ними сделок, возлагая на них функции налогового контроля, с другой стороны, имеет место противоречивая судебная практика, также основанная на позиции ФНС России.

В данной противоречивой ситуации методические рекомендации ФНС РФ могут оказаться чрезмерными. По нашему мнению, объем до-

²¹ Определение ВС РФ от 26 апреля 2016 г. № 305-КГ16-3048 по делу № А40-43028/2015.

казательств должной осмотрительности налогоплательщика зависит от вида сделок.

Так, практика ВАС РФ показывает:

если деятельность предполагает наличие специальной правоспособности, то налогоплательщик должен проверить представленную контрагентом копию лицензии на сайте органа, его выдавшего²²;

если налогоплательщик является лизингополучателем, то ему достаточно проверить данные контрагента из ЕГРЮЛ, размещенные на сайте ФНС России²³;

если предмет сделки — недвижимость, налогоплательщик должен проверить предыдущие сделки с ней на сайте Росреестра²⁴.

Данные примеры демонстрируют, что критерии и объем доказывания должной осмотрительности налогоплательщиком устанавливаются судебной практикой, поскольку именно в процессе правоприменительной деятельности может быть выявлено отклонение от единообразия судебной практики, что, в свою очередь, может повлечь образование пробелов и неопределенности в законе. Вследствие этого несколько спорной представляется позиция ФНС, призывающая налоговые органы отказаться от использования понятия «должная осмотрительность», содержащегося в постановлении ВАС РФ № 53 в связи с изменениями, внесенными в ст. 54¹ НК РФ. Такой отказ может повлечь негативные последствия, в первую очередь для налоговой службы, и еще большую неопределенность в правоприменительной деятельности.

²² См. постановление Президиума ВАС РФ от 25 мая 2010 г. № 15658/09 по делу № А60-13159/2008-С8.

²³ См. постановление Президиума ВАС РФ от 9 марта 2010 г. № 15574/09 по делу № А79-6542/2008.

²⁴ См. постановление Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2010 г. № 12670/09 по делу № А68-8174/07-355/13.

Доктрина «снятия корпоративной вуали»²⁵. Защитить свои права от недобросовестного контрагента поможет выработанная судебной практикой доктрина «снятия корпоративной вуали». Формированию данной доктрины способствовало решение, принятое Палатой лордов в Англии в 1897 г. по делу “*Salomon v. A. Salomon & Co. Ltd.*”²⁶, в котором обувщик А. Саломон накануне экономического кризиса продал свои акции по завышенной цене компании “*Salomon*”, в которой он являлся акционером. Впоследствии компания обанкротилась, а кредиторы пытались взыскать долги с А. Саломона. Именно тогда Совет лордов установил доктрину автономности и независимости юридического лица как самостоятельного субъекта хозяйственного оборота. Тем самым высшая инстанция постановила, что компания обладает собственной правоспособностью, которая, по сути, является корпоративной вуалью, но суд не может убрать эту вуаль только на том основании, что это нечестно и несправедливо. Впоследствии начались многочисленные злоупотребления автономностью юридического лица, которые препятствовали защите прав кредиторов, требовавших исключений из данного принципа. Так,

²⁵ Юридическая наука и практика демонстрируют терминологическое разнообразие рассматриваемой доктрины. Можно встретить термины «снятие корпоративной вуали», «срывание корпоративной вуали», «доктрина проникновения ответственности», «снятие корпоративной маски» и т. д. Мы намеренно не затрагиваем вопрос терминологического единства данной доктрины, поскольку этот вопрос не является целью настоящей статьи и подробно освещен в юридической литературе. См., например: *Филатова У. Б., Горбач О. В.* Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // *Гражданское право*. 2019. № 1. С. 7—10.

²⁶ URL: <http://corporations.ca/assets/Salomon%20v%20Salomon.pdf>.

дальнейшее развитие получила судебная доктрина «снятия корпоративной вуали». Таким образом, к ответственности привлекается не фиктивное юридическое образование, а бизнес как совокупность лиц и компаний, обладающих единой целью и работающих под общим управлением.

Показательным является судебное решение по делу “Kinney Shoe Corp. v. Polan”, ставшее прецедентом²⁷. Корпорация “Kinney Shoe Corp.” подала иск против Л. Полана о выплате долга, возникшего у компании “Industrial Realty Company” по субаренде. Л. Полан являлся единственным владельцем “Industrial Realty Company”, но никогда не проводил каких-либо корпоративных собраний и не избирал представителей компании. Апелляционный суд США в судебном решении отметил, что организация является «продолжением личности» (alter ego) ее учредителя (участника) или, как указано в ряде судебных решений, «фиктивной оболочкой» (shel), т. е. создана для исключения персональной ответственности учредителя в целях удовлетворения его личных интересов, в том числе для совершения противоправных действий.

Благодаря судебной доктрине «снятия корпоративной вуали» создается механизм раскрытия лица, действия которого повлекли неблагоприятные последствия для контрагента иного лица, в той или иной мере аффилированного, а также возможности или невозможности привлечения к ответственности данного лица.

В национальной практике доктрина «снятия корпоративной вуали» впервые была упомянута в определении ВАС РФ от 27 февраля 2012 г. № ВАС-16404/11, где суд от-

метил: «Предпринимательскую деятельность на территории РФ осуществляют именно ответчики, используя аффилированных лиц (доктрина “срывания корпоративной вуали”)...». Спор между сторонами относился к применимой юрисдикции и компетенции суда для разрешения дела. В частности, значимым для рассмотрения дела обстоятельством было наличие или отсутствие у стороны (Parex Bank) представительства на территории РФ. От установления этого обстоятельства зависел ответ на вопрос, может ли российский суд рассмотреть спор между лицами, вовлеченными в дело. Со ссылкой на практику Суда ЕС²⁸ ВАС РФ отметил: «Филиал или представительство считается существующим даже в том случае, если юридическое лицо не имеет собственного юридически оформленного подразделения на территории иностранного государства, но, тем не менее, ведет деятельность на данной территории через независимую компанию со сходным наименованием, которая заключает сделки от своего имени и фактически выступает в качестве подразделения этого юридического лица»²⁹.

Позднее данная позиция была поддержана Президиумом ВАС РФ в информационном письме от 9 июля 2013 г. № 158. Так, в п. 9 отмечено, что, несмотря на отсутствие регистрации представительства или филиала компании, нахождения ее органа управления в России, суд признал, что на территории РФ находился филиал указанного иностранного лица.

Российское законодательство не содержит широкого перечня правил и юридических конструкций для обоснования доктрины «снятия корпоративной вуали». Из правовых меха-

²⁷ Kinney Shoe Corp. v. Polan, 939 F.2d 209, 1991 U. S. App. LEXIS 15304 (4th Cir. W. Va. July 17, 1991). URL: <https://casetext.com/case/kinney-shoe-corp-v-polan>.

²⁸ SAR Schotte GmbH v. Parfums Rothschild (дело № 218/86, решение от 9 декабря 1987 г.).

²⁹ Определение ВАС РФ от 27 февраля 2012 г. № ВАС-16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184.

низмов для обоснования данной доктрины могут использоваться нормы о субсидиарной ответственности контролирующих лиц (ст. 56 ГК РФ) и нормы об ответственности основного общества по сделкам дочернего (ст. 105 ГК РФ, абз. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

В судебной практике отмечено, что законодателем не выработан механизм, с помощью которого кредитор сможет противостоять схемам ухода реальных владельцев бизнеса от ответственности по их обязательствам³⁰. В научной литературе также отмечается, что «суды должны сами формировать практику мер, направленных на получение информации о выгодоприобретателях»³¹.

Одним из показательных примеров является дело ООО «Дальняя степь» (далее — общество, должник). В рамках дела о несостоятельности данного общества конкурсный управляющий должником Н. обратился в Арбитражный суд Республики Калмыкия с заявлением о привлечении ООО «Эйч-эс-би-си Банк (РР)» (далее — банк) и HSBC Management (Guernsey) Limited (далее — компания) к субсидиарной ответственности. Суд пришел к выводу о доказанности условий для привлечения должника к субсидиарной ответственности.

Конкурсный управляющий должником, ссылаясь на то, что банкротство должника вызвано действиями контролирующих его лиц (банка и компании), просит суд привлечь последних к субсидиарной ответственности.

Суд установил, что общество создано решением компании с ограни-

ченной ответственностью «Серазус Инвестментс Лимитед» в 1998 г. и является одной из дочерних компаний Фонда Эрмитаж, руководство которым осуществляла компания HSBC Management. Из этого суд сделал вывод, что как Фонд, так и компания фактически контролировали все активы должника. Также было установлено, что оба контролирующих лица принадлежали к международной группе HSBC, в состав которой также входит банк. Таким образом, из доказательств по делу следует, что банк и компания произвели неправомерное списание денежных средств со счета ООО «Дальняя степь» без его воли и в ущерб его интересам.

Суд отметил, что «если сделки, изменившие судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим»³².

Признавая субсидиарную ответственность, суд указал, что данная мера призвана противодействовать злоупотреблениям корпоративной формой, «то есть ситуациям, в которых юридические лица используются для недобросовестных целей, а именно: уклонения от уплаты налогов, избежания необходимости исполнять гражданско-правовые обязательства и т. п. В зарубежных законодательствах для избежания злоупотреблений корпоративной формой применяются юридические конструкции в виде концепции “прокалывания корпоративной вуали” (Англия) или института “пронизывающей ответственности” (Германия)»³³.

Таким образом, суд: 1) установил причинно-следственную связь между контролирующими лицами и нанесенным имущественным вредом должника; 2) доказал факт того, что основное общество имело право

³⁰ См. постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 10 февраля 2014 г. по делу № А33-6328/2013.

³¹ Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 78.

³² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 ноября 2017 г. № Ф08-8869/2017 по делу № А22-941/2006.

³³ Там же.

распоряжаться имуществом должника; 3) отметил неправомерность действий, нарушающих принцип добросовестности.

Значимость принципа добросовестности была подчеркнута в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по данному делу. Коллегия отказала в мировом соглашении, инициированном ответчиками, на основании нарушения принципа добросовестности, оставив в силе постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 ноября 2017 г. № Ф08-8869/2017.

Проанализировав судебную практику и законодательные нормы, позволяющие призвать к солидарной ответственности недобросовестных выгодоприобретателей, полагаем, что есть основания согласиться с мнением Т. П. Подшивалова, считающего, что в связи с малоразвитостью законодательных механизмов в данной сфере суду от безысходности приходится самостоятельно восполнять пробелы, образующиеся в процессе правоприменения, и формулировать судебные доктрины, способствующие решению проблем. «Этим и объяснима ссылка в судебных актах на доктрину снятия корпоративной вуали, которая для тех же целей вводилась ликвидированным ВАС РФ»³⁴.

Эстоппель. В национальной судебной практике необходимость предотвращения злоупотреблений и следование принципу добросовестности привели к появлению судебной доктрины эстоппеля. Судебная доктрина эстоппеля в ее современном виде зародилась и получила наибольшее развитие в судебной

практике Англии и Уэльса. Однако отметим, что практика английских судов неоднозначна. В некоторых случаях судьи указывают, что эта доктрина весьма неопределенная и следует избегать ее применения всеми силами³⁵, в других — что правило об эстоппеле является, пожалуй, «самым мощным инструментом в области обязательственного права, который только есть у судов в Англии»³⁶. Эстоппель — это препятствие, не позволяющее стороне утверждать или отрицать о фактах вследствие предыдущего поведения или вступившего в законную силу судебного решения³⁷.

Доктрина эстоппеля известна многим зарубежным правовым порядкам, ее суть сводится к справедливости. Международная доктрина эстоппеля исходит из концепции «теории разумной уверенности», которая выражается в ограничении контрагента от несправедливых действий, которые в последующем могут быть признаны недобросовестными. Данная теория проявляется в положениях Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Также доктрина эстоппеля закреплена в ряде международных актов унификации частного права.

В соответствии со ст. 1.8 Принципов УНИДРУА «сторона не может поступать несовместимо с определенным пониманием, которое возникло по зависящим от нее причинам у другой стороны, и имея в виду которое, эта другая сторона, разумно на него полагаясь, совершила действие в ущерб себе»³⁸. Со-

³⁵ См.: *Baxendale v. Benete* (1878) 3 QBD 525, 3 CPD 32.

³⁶ *National Westminster Bank PLC v. Somer International (UK) Ltd.* (2001) EWCA Civ. 970, CA.

³⁷ См.: *Balk's Law Dictionary*. 9th ed. St. Paul, 2009. P. 28.

³⁸ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М., 2013. С. 450—552.

³⁴ Подшивалов Т. П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 370.

гласно же п. 2 ст. I.-1:103 Модельных правил европейского частного права (Draft Common Frame of reference (DCFR)) «поведением, противоречащим добросовестности и честной деловой практике, является, в частности, поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них»³⁹.

В России доктрина эстоппеля получила распространение сначала через судебную практику, а впоследствии укрепились и в законодательстве. В виде общей нормы эстоппель не появился, но его проявления можно встретить в тексте ГК РФ (абз. 4 п. 2 ст. 166, п. 2 ст. 431¹, п. 5 ст. 450¹ и др.).

В качестве судебной доктрина эстоппеля получила признание и в практике арбитражных судов. Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 1 августа 2016 г. № Ф05-8371/2016 по делу № А40-122245/15-85-991 обозначил главную задачу доктрины эстоппеля, которая состоит в воспрепятствовании в получении преимущества и выгоды стороне, противоречащей собственному предыдущему поведению (непоследовательность поведения), которое нанесло ущерб другой стороне, действовавшей добросовестно в ситуации, созданной первой стороной. В постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 апреля 2016 г. № Ф04-303/2016 по делу № А03-20637/201 указано, что на противоречивость и недобросовестность поведения субъекта хозяйственного оборота указывает поведение «не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона в своих действиях разумно полагалась на них».

³⁹ Модельные правила европейского частного права. Пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Расказова. М., 2013. С. 105.

Непоследовательность действий может проявляться по-разному.

ООО «Компания Эktivсити» (далее — заявитель) обратилась в Арбитражный суд Московской области с заявлением к ООО «Жилстрой» (далее — ответчик) о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Отказывая в удовлетворении, суд первой инстанции пришел к выводу о недействительности третейского соглашения.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, заявитель обратился с кассационной жалобой, в которой было указано, что вопрос о действительности (недействительности) сделки уже неоднократно рассматривался арбитражными судами⁴⁰.

Отменяя ранее принятое решение, суд кассационной инстанции обратил внимание на следующее.

В рамках третейского разбирательства ответчик согласился с ранее принятыми актами, а третейское соглашение в установленном порядке не было признано недействительным. Таким образом, целесообразно применить доктрину эстоппеля, главная задача которой состоит в воспрепятствовании стороне в получении необоснованной выгоды и преимуществ, вызванных переменчивостью поведения.

В другом деле о взыскании с ООО задолженности по договору оказания охранных услуг суд кассационной инстанции указал, что нижестоящими судами был нарушен принцип распределения бремени доказывания, не была дана правовая оценка доводам ответчика, изложенным в исковом заявлении, а также в отзыве на апелляцион-

⁴⁰ В том числе в рамках рассмотрения другого дела № А40-107457/14 (по заявлению ООО «Компания Эktivсити» к ООО «Жилстрой» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Арбитражного третейского суда от 4 июля 2014 г. по делу № А50-083/2014).

ную жалобу. Согласно материалам дела между ответчиком и заявителем был заключен договор на оказание охранных услуг в период с июля 2013 г. по июнь 2016 г. Ответчик как в суде первой инстанции, так и в суде апелляционной инстанции в обоснование возражений по заявленным исковым требованиям ссылается на ненадлежащее оказание услуг в период с января по июнь 2016 г. Суд кассационной инстанции указал, что судам первой и второй инстанций необходимо было установить, каким образом ранее оказанные услуги оплачивались и почему ответчиком в адрес заявителя не было направлено соответствующих претензий о ненадлежащем выполнении услуг.

Суд со ссылкой на доктрину эстоппеля и нормы ГК РФ отметил, что отказ от оплаты фактически оказанных услуг не допускается.

Кроме того, суд обратил внимание на двоякость толкования судебных актов. В первой инстанции суды, отказывая в удовлетворении заявленных требований, ссылаются на непредставление документов, подтверждающих надлежащее исполнение обязательств. Суд апелляционной инстанции указывает на непредставление доказательств, подтверждающих факт оказания услуги.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в арбитражной практике доктрина эстоппеля на-

правлена на соблюдение принципа добросовестности, соблюдение единообразия судебной практики, которое, в свою очередь, препятствует образованию противоречий, способных привести к образованию пробела.

Вывод. Судебная доктрина как способ воспрепятствования злоупотреблению правом выработана международными правоприменительными органами и успешно имплементирована в российскую судебную практику⁴¹. Тем самым обоснованность применения судебных доктрин арбитражными судами при рассмотрении дел, связанных со злоупотреблением правом в финансовых правоотношениях, очевидна. Судебные доктрины помогают установить данное нарушение, проверяя правоотношение на соответствие правовым нормам, способствуют устранению пробелов и неопределенности, возникающей при неоднозначной трактовке закона, а также содействуют законодателю при создании правовых норм с учетом сложившейся судебной практики.

⁴¹ В связи с этим далеко не бесспорным представляется утверждение, согласно которому необходимо ограничить действия норм международного права, а решения ЕСПЧ признать неправомерными. См., например: <https://www.kommersant.ru/doc/4221336>, <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820648-kak-izmenit-konstitutsiyu>.

Библиографический список

- Balk's Law Dictionary. 9th ed. St. Paul, 2009.
- Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7.
- Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6.
- Гук П. А. Судебный прецедент как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
- Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
- Камалтдинова М. Р. Судебные доктрины как источник налоговых рисков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 2.
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. М., 2017.
- Модельные правила европейского частного права. Пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М., 2013.

Подшивалов Т. П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М., 2013.

Разгильдеев А. В. Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 305-КГ16—10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3.

Самойлов М. Доктрина права как источник аргументации судебного акта. URL: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta.

Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236>.

Судебные доктрины Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере налогового права обсудили на образовательном семинаре в Москве. URL: <http://fasvvo.arbitr.ru/node/13746>.

Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2.

Филатова У. Б., Горбач О. В. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1.

Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.

Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник административного права России // Административное право и процесс. 2017. № 8.

References

Balk's Law Dictionary. 9th ed. St. Paul, 2009.

Bykanov D. D. Removal of corporate veil under the laws of the USA, the Netherlands and Russia. *Zakon*, 2014, no. 7, pp. 71—80. (In Russ.)

Chashin A. N. Judicial doctrine as a source of administrative law of Russia. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2017, no. 8, pp. 18—20. (In Russ.)

Filatova U. B., Gorbach O. V. The Doctrine of “Removing the Corporate Veil”: Some Aspects of Application. *Grazhdanskoe pravo*, 2019, no. 1, pp. 7—10. (In Russ.)

Guk P. A. Judicial precedent as a source of law. Cand. diss. Saratov, 2002. 205 p. (In Russ.)

Hajiyev Kh. I. Judicial Doctrines and Efficiency of Law Enforcement. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 14—27. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.2 (In Russ.)

Judicial doctrines of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in the field of tax law were discussed at an educational seminar in Moscow. Available at: <http://fasvvo.arbitr.ru/node/13746>. (In Russ.)

Kamaltidinova M. R. Judicial doctrines as a source of tax risks. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*, 2010, no. 2, pp. 190—195. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Doctrinal Sense of the Russian Constitution. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 34—38. (In Russ.)

Marchenko M. N. Judicial lawmaking and judicial law. Moscow, 2017. 448 p. (In Russ.)

Model'nye pravila evropeyskogo chastnogo prava. Ed. by N. Yu. Rasskazova. Moscow, 2013. (In Russ.)

Podshivalov T. P. On the relationship between the doctrine of beneficial ownership and the doctrine of eliminating the corporate veil in contesting corporate decisions. Ed. by O. A. Kuznetsova, V. G. Golubtsov, G. Ya. Borisevich et al. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh. Ezhegodnyy nauchnyy zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 365—370. (In Russ.)

Razgil'deev A. V. Due diligence of the taxpayer: in what cases it is necessary and what is meant by it. Commentary on the determination of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Supreme Court RF of November 29, 2016 No. 305-KG16-10399. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*, 2017, no. 3, pp. 9—15. (In Russ.)

Samoylov M. The doctrine of law as a source of argument of a judicial act. Available at: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta. (In Russ.)

Smirnov G. The use of judicial doctrines of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation in the application of criminal law. *Informatsionnyy portal "Pravo.ru"*. Available at: <https://pravo.ru/review/view/66236>. (In Russ.)

Taribo E. V. Judicial constitutional doctrine of the "optionality of tax privileges": limits of application. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2003, no. 2, pp. 10—17. (In Russ.)

Unidroit Principles 2010. Moscow, 2013. (In Russ.)

Zozulya A. A. Doctrine in Modern Law. Cand. diss. thesis. St. Petersburg, 2006. 232 p. (In Russ.)